

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-69-168-175>

УДК 82

ББК 83.3(2Рос=Рус)

Научная статья / Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2023 г. Е. А. Балашова
г. Калуга, Россия

«КРУШЕНИЕ» В. НАБОКОВА: ВНУТРИ КОНТЕКСТА

Аннотация: В качестве объекта исследования взято стихотворение В. Набокова «Крушение» (1925), предпринята художественная интерпретация центрального фрагмента текста — крушения поезда, управляемого ангелами. Новизна исследования определяется материалом, редко попадавшим в поле зрения исследователей. В работе проанализированы толкования стихотворения, сделанные А. Филимоновым и А. Чижовым, что позволило проследить авторские стратегии в освоении экзистенциальной темы. Все они показывают разные степени взаимодействия с церковным Преданием и поэтической традицией, в очередной раз подчеркивая набоксовское принятие жизни. В статье показано, как в пределах одного текста взаимодействуют библейские образы и образы поэзии XIX–XX вв. «Крушение» поддерживает традицию пушкинского «Пророка», способствуя созданию внутривидового диалога, в котором расставлены иные акценты в соответствии с набоксовским определением значения вещи, обезчеловечивания пространства, вещного сна. Кроме того, в статье речь идет о том, что стихотворение Набокова, опираясь на восприятие поезда русской классикой, закладывает традицию темы крушения поезда в русской поэзии (Кочетков, Рубцов). «Крушение» Набокова становится ценностным мерилем противостояния земного и небесного начал. Результаты исследования, проведенного в настоящей статье, могут быть использованы в научно-исследовательской и преподавательской деятельности, связанной с изучением становления и развития поэзии XX в.

Ключевые слова: русская поэзия, лирика XX в., Набоков, крушение, поезд, серафим, ангел.

Информация об авторе: Елена Анатольевна Балашова — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры литературы, Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского, пер. Воскресенский, д. 4, 248000 г. Калуга, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2603-4239>

E-mail: balashova_ea@mail.ru

Дата поступления статьи: 13.08.2022

Дата одобрения рецензентами: 07.10.2022

Дата публикации: 25.09.2023

Для цитирования: Балашова Е. А. «Крушение» В. Набокова: внутри контекста // Вестник славянских культур. 2023. Т. 69. С. 168–175.
<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-69-168-175>

Эх, поезд, птица-поезд! кто тебя выдумал?
Терц

А паровоз жесточе пушки.
Хлебников

Противоречивые эмоции, вызванные изобретением поезда, появились в сознании человека — и, как следствие, в лирике — сразу после открытия железной дороги в 1837 г. [2]. И, конечно, в поэзии образ поезда наделялся метафорическим значением, а его движение часто сопрягалось с вопросом, куда он мчится. В новое общество, к новому общественному идеалу? В изгнание? В пессимистическое нечто или к концу земному, на «тот свет»? Это было связано с фатальностью судьбы отдельного человека, или страны, или человечества. И тогда стоило бы задаться другим вопросом: кто поездом управляет? «Бог-машинист», который однажды сходит с маршрута, как, например, в стихотворении Арс-Пегаса «Поезд»: *«Наверное, это полонка: / резко погаснет свет, / и скажут динамики громко: / следующей станции / нет»* [10]? Кто держит у себя заводной ключик и придает скорость жизненному поезду-змею, несущемуся к конечной своей станции на брюхе, растеряв колеса, как в стихотворении Ольги Шиловой [15, с. 29]? Есть свой ответ на вопрос, кто же управляет поездом, и у Владимира Набокова в стихотворении «Крушение» 1925 г.:

В поля, под сумеречным сводом,
сквозь опрокинувшийся дым
прошли вагоны полным ходом
за паровозом огненным:

багажный — запертый, зловещий,
где сундуки на сундуках,
где обезумевшие вещи,
проснувшись, бухают впотьмах —

и четырех вагонов спальных
фанерой выложенный ряд,
и окна в молниях зеркальных
чредою беглою горят.

Там штору кожаную спустит
дремота, рано подоспев,
и чутко в стукотне и хрусте
отыщет правильный напев.

И кто не спит, тот глаз не сводит
с туманных впадин потолка,
где под сквозящей лампой ходит
кисть задвижного колпака.

Такая малость — винт некрепкий,
и вдруг под самой головой
чугун бегущий, обод цепкий
соскочит с рельсы роковой.

И вот по всей ночной равнине
стучит, как сердце, телеграф,
и люди мчатся на дрезине,
во мраке факелы подняв.

Такая жалость: ночь росиста,
а тут — обломки, пламя, стон...
Недаром дочке машиниста
приснилась насыпь, страшный сон:

там, завывая на изгибе,
стремилось сонмище колес,
и двое ангелов на гибель
громадный гнали паровоз.

И первый наблюдал за паром,
смеясь, переставлял рычаг,
сияя перистым пожаром,
в летучий вглядывался мрак.

Второй же, кочегар крылатый,
стальною чешуей блистал,
и уголь черною лопатой
он в жар без устали метал [13].

Мы можем увеличить интерпретационное поле и продолжить метафорический ряд прочтений текста Набокова, тем более что образы 9–11 строф к этому ведут напрямую. Тогда крушение поезда будет означать «крушение империи» [5]. Можем, наоборот, предположить теперь уже буквально, как А. Филимонов в другой своей статье [6], что появляющиеся в стихотворении два ангела — это Ленин и Троцкий. Долинин А. тоже считает, что «Набоков не мог не реагировать на кошмары истории» [1]. Правда, поэт настаивал на том, что «ни политические события, ни исторические катаклизмы в его творчестве не отражались» (цит. по: [6]). Эта цитата поэта провоцирует и иное толкование — с учетом того, что если Набоков пишет, что искать подобный смысл не надо, возможно, именно поэтому искать его нужно. Мы искать не станем по одной причине: есть в этом стихотворении что-то безусловно более важное — мистическое, вечное, мифологическое, ломающее конкретику времени.

В своих дальнейших рассуждениях мы вступаем на путь предположений, свидетельства в пользу которых являются чаще всего косвенными и опосредованными.

Трагедию создает не механика, не инженерия, но водоворот событий, запущенных ангелами. Можно ли предположить, что ангелы ведут поезд на очищение, освящение? Предвестниками появления трагедии оказываются слова одной лексико-семантической группы: огневой паровоз — молнии — лампа — факелы — пожар — жар. И эта пылающая траектория огня не дает света! Следовательно, эти ангелы не спасают, они сами становятся зачинщиками беды.

И это вызывает недоумение: православное богословие считает, что ангел никогда не наказывает. У него нет на это воли, это не самостоятельный персонаж [4]. Христи-

анское богословие определяет ангела как «служебного духа» [4]. Собственно, и слово «ангел» переводится как «посланник» или «вестник» — ев-ангелие («добрая весть»).

То есть ангел — инструмент осуществления божьей воли. Таким образом, ангел может наказать человека в тех случаях, когда этого возжелает бог-творец. А за что наказывает бог — тут богословских интерпретаций может быть много: отпадение от бога, смирение человеческой гордости; наказание как наказ — научение, направление по праведному пути; грех с греческого — попадание мимо цели, промах [4], поэтому наказание должно выправить человека, наставить на прямой путь к богу. Последнее в контексте стихотворения Набокова особенно интересно: наказание происходит в пути (в данном случае на железной дороге).

У набоковских ангелов «стальная чешуя», «перистый пожар», что напоминает огненные крылья серафимов. Первая ассоциация, которая может возникнуть при упоминании серафима, конечно же «Пророк» Пушкина. В целом структура пушкинского стихотворения выглядит так: обычная жизнь — встреча с ангелом — пылающий уголь — слом привычного уклада жизни вследствие проявления высшей воли. Это применимо и к сюжету «Крушения» В. Набокова: мирный поезд — появление ангелов — уголь — катастрофа.

Обычно в примечаниях к стихотворению Пушкина «Пророк» упоминается следующий отрывок: «...Тогда прилетел ко мне один из Серафимов, и в руке у него горящий уголь, который он взял клещами с жертвенника, и коснулся уст моих и сказал: вот, это коснулось уст твоих, и беззаконие твое удалено от тебя, и грех твой очищен» (Ис. 6: 1–7). Здесь воспроизводится акт перерождения человеческого духа, который был заимствован Пушкиным из библейского текста. Речь идет об одном угле (угольке). Однако один уголь «превращается» в «пригоршни углей» в первой главе Книги пророка Иезекииля, где Иезекиилю предстают херувимы, чей облик был как вид «угля огня горящаго» (Иез. 1: 13) — А. Чижов «горящий уголь» в пушкинском стихотворении склонен связывать не только с шестой главой Книги Исаии, но и с первой главой Книги пророка Иезекииля [8, с. 55]. А в другом месте этой же Книги Бог повелевает: «...наполни горсти твоя угля огненного из среды херувимов...» (Иез. 10: 2). А. Чижов цитирует Славянскую Библию (на церковнославянском языке); в синодальном русском переводе Библии этот фрагмент звучит так: «...вид горящих углей...» (Иез. 1: 13). В том же переводе приведем и другой стих: «...возьми полные пригоршни горящих угольев между Херувимами...» (Иез. 10: 2).

Уголь, пылающий вместо сердца в пушкинском «Пророке», уже был «возмездием», приговором скитаться в вечной муке, это тяжкий дар избранничества. Изменение на множественное число в стихотворении Набокова только начало трансформации образа угля: с жертвенного алтаря он превращается в уголь в топке — намеренно сниженный образ. А дальше благодаря высокой температуре и постоянному подбрасыванию угля в топку действие становится похожим на наказание грешников в аду.

Почему автор сосредоточен на бытовой детали? Потому что масштаб встречи с ангелом (ангелами) теперь иной, максимально редуцированный. В художественном мире Набокова нет не только мира «духовной жажды», у него нет и человека.

Пространство пассажирских вагонов безличностно. Человек упоминается косвенно, есть только намек на присутствие людей в поезде: дремота, стон, «под самой головой». Нет и упоминания человеческих жертв. Люди не чуткие, не осторожные. Они не подозревают об опасности, их успокаивает видимость защищенности за спущенной кожаной шторой. Нет конкретных человеческих историй, не переплетаются судьбы, не проявляются характеры — они и не нужны, они ничтожны, эти частности, и дума-

ется, что не только перед масштабной катастрофой. Человек унижается. Не людей гонят на гибель, а именно поезд. Произошедшее называется не катастрофой, применимой к миру людей, а крушением, что имеет в виду поломку, гибель неодушевленного предмета. Железная дорога превратилась в машину мучений, и роль жертвы отводится поезду, потому другие материальные предметы чувствуют гибель. У Набокова вещи оживают, наделяются человеческими качествами, что особенно ощутимо на фоне неодушевленного человеческого мира.

Вещи находятся в первом вагоне, они первыми чувствуют приближающуюся опасность, тревожно, суматошно мечутся, как звери, по запертому пространству, пытаясь вырваться наружу, натываясь друг на друга, предчувствуя страшное и неотвратимое. «Бухающие» вещи не могут изменить свой исход. Катастрофа еще не случилась, а зловещий дух уже летает в воздухе.

«Обезумевшие вещи являются... свидетелями переноса в иное измерение» [6]. Действительно, художественный мир стихотворения представлен пространством реальным и ирреальным (тут и ожившие вещи в начале стихотворения и появляющиеся ангелы в конце). Набоков писал: «Я видел свою задачу в том, чтобы каждое стихотворение имело сюжет и изложение». Это было «как бы реакцией против худосочной “парижской школы” эмигрантской поэзии» [6]. В «Крушении» автор остается верным этому принципу: сюжет прихотливый. Пространство внешнее, реальное (движущийся поезд, поля, окружающее пространство) сменяется картиной внутреннего пространства поезда (здесь и воображаемая жизнь багажного отделения — и о невозможном повествуется мимоходом, как о житейских мелочах [7]); и реалистическое изображение спальных вагонов пассажирского отделения в форме «отказа» от изображения человека). Далее вновь показано пространство внешнее (с указанием объективной причины крушения и последствиями бедствия; с людьми, спешащими на помощь). И вновь возврат к внутреннему. Звуковые образы (бухают — в стрекотне и хрусте — напев — стон) и зрительные образы (дым — туманные впадины — пар) позволяют действительности преобразиться в поэтический порыв, подготовить к восприятию сна девочки. Реальность разорвана, подменена сновидением, мистикой. Границы перетекания миров нечеткие, и даже с девятой строфы, когда, казалось бы, от рационального автор перешел к трансцендентному, все равно не понятно, это сон или все так и было на самом деле. Человеческому сознанию свойственно подгонять уже случившееся, известное в дискурс предзнаменования, интуиции, чего-то вещего, тайного. Скорее мы вслед за дочкой машиниста снимем ответственность с машиниста за крушение. Нам легче считать, что это чья-то злая воля, кара... Человеческими законами страшную трагедию объяснить нельзя.

Однако что случилось на самом деле, мы не узнаем. Это тайна, и верить или не верить в «ангельскую» причину крушения — только читательский выбор. А однажды Набоков (в стихотворении «Слава») спрятал причину, как, собственно, и слова, — за звуками, которые могли бы сопрягаться со стуком колес паровоза и способствовать зашифровке новой тайны — уже в «Крушении»:

Это тайна та-та, та-та-та-та, та-та,
А точнее сказать я не вправе.

Не обнаруживается пока ни одного крушения поезда в лирике до Набокова, кроме стихотворения «Русские проселки» П. А. Вяземского, написанного в 1841 г.:

«Двух паровозов, двух волканов на лету/Я видел сшибку лоб со лбом они столкнулись, / И страшно крякнули, и страшно пошатнулись — / И смертоносен был напор сих двух громад» [11]. Набоков в «Крушении» структурирующим лейтмотивом делает ожидание катастрофы, что подхватили другие поэты. Стихотворение само становится «вещим», пророческим в русле контекста поэзии, открывая ряд произведений о крушении поезда. Ранее была упомянута известная кочетковская «Баллада о прокуренном вагоне» [12]. И — аргумент из стихотворения Н.М. Рубцова «Поезд». Текст проникнут доверием к справедливому мироустройству, доказывающий обратное: «поездное многолюдье» — залог спасения человека: «*И какое может быть крушенье, / Если столько в поезде народу?»*» [14, с. 139].

Несмотря на то, что крушений в русской поэзии, созданной после набоковского «Крушения» больше нам не известно, отметим устойчивую тенденцию рифмовать поезд со страшными волшебными существами: чудовищами у Хлебникова («Сгибали тело чудовища преемственные миги»); Клюева (Там наготове, окутаны паром, / Чудищем черным стоят поезда), Вознесенского («перед чудищем узкоколейным / о смертном просит колесе»); кстати, и у Набокова в другом стихотворении («Чу! По мосту над бешеной бездной / чудовище с зарницей на хребте»). У Фета поезд был «змеем огненным», у Анненского — «пышущим драконом», у Пастернака «гарпией» («Лишь подан к посадке состав, / И пышут намордники гарпий, / Парами глаза нам застлав»). Был и поезд-леший — у В. Шершеневича: «О сколько раз я в кряхтенье паровоза, / Ломающего деревянные ребра шпал, / Иль с протяжным криком мотающего на колеса версты рельс, / Различал, леший усталый, / Твои страдальные глаза». У М. Волошина поезд сравним с Минотавром: «Так начинался век Пара. Но покорный / Чугунный вол внезапно превратился / В прожорливого Минотавра: / Пар послал / Рабочих в копи — рыть руду и уголь» (свод парадигм образов русской поэзии и прозы XVIII–XX вв. подробнее см.: [3, с. 766]).

Связь поезда с мифическими существами не нова в русской поэзии. Но, наверное, ближе всего к набоковским образам будут образы из стихотворений Вяземского («Огнедышащая сила, / *Силам адовым сродни*» или «И сквозь мглу, как *Божья кара*, / Громоносный, он летит»), из текста Багрицкого («И уже не поезд, / *А яростный летит благовеститель / Архангел Гавриил*. И голосит / Изъеденная копотью и ржою / Его труба. И дымные воскрилья / Над запотевшей плещутся спиной») и стихотворения Б. Корнилова («И летит, как *дьявол* грозный, / в кругосветный перегон, / мелом меченый, тифозный, / фиолетовый вагон»).

Один из первых паровозов, появившихся в культурной жизни России, был паровоз «Попутной песни» Н. Кукольника (муз. М. Глинки). В оригинальной версии автора слов звучит «Православный веселится наш народ», потом было заменено на «Веселится и ликует весь народ». Понятно почему — при таких машинистах... Благодаря им поезд становится проводником в иные миры, из которых сон — самый понятный человеческому сознанию «другой» мир.

Известно, что Набоков был увлечен темой иного мира в снах, неразрывно связанного с реальностью, а в течение 1964 г. вел журнал сновидений, сравнивая их с последующими событиями. Поэт увлекся концепцией нелинейного времени, формами взаимодействия времени и реальности, обнажая нестабильность настоящего [9]. Стихотворение «Крушение» с центральным эпизодом страшного вещего сна собирает разрозненные знания нашего сознания.

Список литературы

Исследования

- 1 Долинин А. Как читать Набокова // Arzamas. URL: arzamas.academy (дата обращения: 12.12.2021).
- 2 Как создавалась железная дорога в России // Парламентская газета. 2021. 11 ноября. URL: Autoteka.ru (дата обращения: 16.02.2022)
- 3 Павлович Н. Словарь поэтических образов. М.: Эдиториал УРСС, 1999. Т. 1. 896 с.
- 4 Трибушный Д. Таинство пустыни // Православие.ru. URL: pravoslavie.ru (дата обращения: 16.02.2022)
- 5 Филимонов А. Обезумевшие вещи. Сны в поэзии В. Набокова // Набоковский вестник. 1999. № 4. URL: proza.ru (дата обращения: 04.07.2022).
- 6 Филимонов А. Приемы–идеи в поэзии В. Набокова-Сирина // Nabokov-lit.ru. URL: proza.ru (дата обращения: 06.06.2022).
- 7 Ходасевич В. О Сирине // Hodasevich-o-sirine.htm. URL: Nabokov-lit.info.ru (дата обращения: 16.02.2022).
- 8 Чижов А. «Духовной жаждою томим» // Наука и религия. 1983. № 2. С. 52–61.
- 9 *Varabtarlo G. Insomniac Dreams: Experiments with Time by Vladimir Nabokov* Princeton: Princeton University, 2017. 224 p.

Источники

- 10 *Арс-Пегас. Поезд* // Стихи.ру. URL: <https://stihi.ru/2009/06/19/577> (дата обращения: 23.12.2021).
- 11 *Вяземский П. Русские проселки* // Culture.ru. URL: poems/41914/russkie-proselki (дата обращения: 06.06.2022).
- 12 *Кочетков А. Баллада о прокуренном вагоне* // Ру.стих. URL: ruropem.ru (дата обращения: 11.09.2021).
- 13 *Набоков В. В. Крушение* // Nabokov.ru. URL: Nabokov-lit.ru (дата обращения: 06.10.2021).
- 14 *Рубцов Н. М. Поезд* // Посвящение другу: Стихотворения. Л.: Лениздат, 1984. 314 с.
- 15 *Шилова О. Нетерпеж: Стихотворения*. Калуга: Гриф, 2011. 136 с.

***

© 2023. Elena A. Balashova
Kaluga, Russia

“THE WRECK” BY V. NABOKOV: INSIDE THE CONTEXT

Abstract: The object of the study is V. Nabokov's poem “The Wreck” (1925), in which an artistic interpretation of the central fragment of the text is undertaken — the wreck of a train driven by angels. The subject matter that rarely came into the field of view of researchers determines the novelty of the paper. The work analyzes the interpretations of the poem translations made by A. Filimonov and A. Chizhov, that made it possible to observe the author's strategies in mastering the existential topic. All of them display different degrees of consistency with church tradition and poetic tradition, once again

emphasizing Nabokov's worldview. The paper shows how biblical images and literary context may be combined in the most unexpected way within one poem since the 19th century. “The Wreck” sustains the tradition of Pushkin's “Prophet”, contributing to the creation of an intra-literary dialogue in which other accents are placed in accordance with Nabokov's worldview, determining the meaning of a thing, dehumanization of space, prophetic dream. In addition, the study argues that Nabokov's poem, based on the perception of the train by the Russian classics, lays the tradition of the theme of the train wreck in Russian poetry (Kochetkov, Rubtsov). Nabokov's “Wreck” aims to realize the author's poetics as fully as possible and to be a value measure of the confrontation of earthly and heavenly principles. The results obtained may be used in research and teaching activities connected to the study of the formation and development of poetry of the twentieth century.

Keywords: Russian Poetry, Lyrics of the Twentieth Century, Nabokov, Wreck, Train, Seraphim, Angel.

Information about the author: Elena A. Balashova — DSc in Philology, Docent, Professor of the Literature Chair, K. E. Tsiolkovsky` The Kaluga State University, Voskresensky per. 4, 248000 Kaluga, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2603-4239>

E-mail: balashova_ea@mail.ru

Received: August 13, 2022

Approved after reviewing: October 07, 2022

Date of publication: September 25, 2023

For citation: Balashova, E. A. “‘The Wreck’ by V. Nabokov: Inside the Context.” *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 69, 2023, pp. 168–175. (In Russ.)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-69-168-175>

References

- 1 Dolinin, A. “Kak chitat' Nabokova” [“How to Read Nabokov”]. *Arzamas*. Available at: arzamas.academy (Accessed 12 December 2021). (In Russ.)
- 2 Kak sozdavalas' zheleznaya doroga v Rossii [“How the Railway was Created in Russia”]. *Parlamentskaya Gazeta*. November 11, 2021. Available at: Autoteka.ru (Accessed 16 February 2022). (In Russ.)
- 3 Pavlovich, N. *Slovar' poeticheskikh obrazov [Dictionary of Poetic Images]*, vol. 1. Moscow, Editorial URSS Publ., 1999. 896 p. (In Russ.)
- 4 Tribushny, D. “Tainstvo pustyni” [“The Mystery of the Desert”]. *Pravoslavie.ru*. Available at: pravoslavie.ru (Accessed 16 February 2022). (In Russ.)
- 5 Filimonov, A. “Obezumevshiy veshchi. Sny v poezii V. Nabokova” [“Mad Things. Dreams in the Poetry of V. Nabokov”]. *Nabokovskiy vestnik*. 1999. No. 4. Available at: proza.ru (Accessed 4 July 2022). (In Russ.)
- 6 Filimonov, A. “Priyemy — idei v poezii V. Nabokova-Sirina” [“Techniques — Ideas in the Poetry of V. Nabokov-Sirin”]. *Nabokov-lit.ru*. Available at: proza.ru (Accessed 6 June 2022). (In Russ.)
- 7 Khodasevich, V. “O Sirine” [“About Sirin”]. *Hodasevich-o-sirine.htm*. Available at: Nabokov-lit.ru (Accessed 16 February 2022). (In Russ.)
- 8 Chizhov, A. “‘Dukhovnoy zhazhdoyu tomim’” [“‘Tormented by Spiritual Thirst’”]. *Nauka i religiya*, no. 2, 1983, pp. 52–61. (In Russ.)
- 9 Barabtarlo, Gennady *Insomniac Dreams: Experiments with Time by Vladimir Nabokov*. Princeton, Princeton University Publ., 2017. 224 p. (In English)